

СИМВОЛИКА ЯЙЦА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Немногие из простых природных объектов имеют такое глубинное значение, как яйцо. Яйцо в большинстве древних религий и в представлении многих народов символизировало первозданный хаос, некий зародыш Вселенной, саму Вселенную. Яйцо – начало, универсальный символ тайны сотворения мира. Например, главный символ Орфических мистерий – яйцо, обвитое змеей. Яйцо символизировало Космос, окруженный огненным Творящим Духом.

Рождение мира из яйца – это своеобразная мифическая версия. Яйцо мира возникло из хаоса, из небытия. Брахма исходит из вселенского яйца (хаоса) в виде света. В «Книге Коляды» сообщается: «До рождения Света Белого тьмой кромешною был окутан Мир. Был во тьме лишь Род – Прародитель наш... Был вначале Род заключен в яйце» [1, с. 6].

Согласно древним преданиям, мир был создан из яйца, снесенного сказочной птицей Фениксом или водоплавающей птицей (уткой). Мировое яйцо описывается как золотое (см. рус. и бел. сказки о курочке рябе). В космогонических верованиях славян яйцо – прообраз космоса и его отдельных частей. В болгарских и сербских загадках и детском фольклоре солнце называется Божьим яйцом, звездное небо – решетом, полным яиц. По данным книжной традиции, славяне верили, что весь мир подобен огромному яйцу: скорлупа – это небо, пленка – облака, белок – вода, желток – земля [2, с. 397].

Яйцо как проблема начала начал уже в античные времена продолжало связываться с мифической генеалогией Света. Латинские фраземы, известные в разных культурах, передают эту же сему: *от яйца; от яйца до яблока; от закуски до десерта*, т.е. от начала до конца. Находим ее и в белорусской фразеологии: *Як з яйца, так і да канца**.

Яйцо связано и с философскими проблемами, например, что появилось первым – яйцо или курица, можно ли поставить яйцо торчком на ровном месте. Первый вопрос, заданный Плутархом в «Застольных беседах», нашел отражение в русской и белорусской фразеологии. Здесь он решается в пользу курицы: *Курицу яйца не учат; Яйцо курицы не вучыць*, – однако в представлениях белорусов такое происходит не всегда, три фразеологические единицы указывают на обратное, хотя первая подается в словаре с пометой «неодобр.»: *Яйкі курицу вучаць; Бывае, што і яйкі курицу вучаць; Разумнейшыя яйца за куры*. Отмечаем метафорический перенос *яйцо – ребенок, дети*, что подтверждается русскими пословицами: *Три года – яйцо, тридцать лет – медведь, шестьдесят лет – курица; От худой курицы – худые яйца* (говорится о детях). Особенно ярко это проявляется в белорусском материале: *Радзіла малайца – акурат як яйца; Да году дзіця – як яечка, да трох – як авечка; Да п'яці год п'ястуй дзіця, як яечка, з сямі – пасі, як авечку, – тады выйдзе на чалавечка; На сваім яйцы курица гразі не бачыць*. Интересно, что возраст яйца-ребенка русскими и белорусами определяется по-разному: рус. – до трех лет, бел. – до года и до пяти.

Старое испанское народное предание повествует о некоем глупом и неграмотном Хосе, который просто-напросто надломил скорлупу яйца и поставил его торчком. Сема эта проявилась в русской пословице: *Он яйца на носок не поставит* (о глупом человеке). Эта проблема представлена также в ставшей интернациональной фраземе *Колумбово яйцо/Калумбава яйка* – простое и остроумное решение сложной проблемы. Анекдот о Хосе трансформировался потом в книге Вазария, который в 1550 году монтировал купол собора во Флоренции, а затем, 15 лет спустя, в рассказе историка Бенцони о Колумбе [3, с. 256].

Яйцо – мифопоэтический символ первоисточника жизни и плодородия. Это животворящая сила, которая противостоит разной нечисти, и в некоторых случаях яйцо равно молнии. Черт может быть уничтожен при помощи молнии или яйца, снесенного накануне Рождества, когда рождается Солнце [2, с. 397; 4, с. 578]. Яйцо как знак возрождения и воскресения знаменует собой победу Весны и Солнца в борьбе против зимы и ночи. Русская фразеологическая единица указывает на отнесенность яйца к поре года: *Вешнее яичко да осеннее молочко* (диво).

Яйца находили в захоронениях доисторического периода, возможно, что хрупкая, но не уничтожимая скорлупа символизировала для наших предков бессмертие души.

*Фразеологию мы понимаем в широком смысле, включая в ее разряд паремиологию. В примерах обращаемся к прототипической ситуации, не учитывая переносное, образное значение.

Принятое христианством как символ воскрешения Христа, яйцо стало своеобразным посланием из глубин прошлого и дошло до нас в виде пасхальных яиц. С.В.Максимов объясняет паремию *Дорого яичко к Христову дню* «мелким историческим фактом, что в XV веке в Пскове архиепископский наместник брал с крестьян, игуменов, попов и дьяконов по новгородской гривне за великоденное яйцо». По рангу всем выдавались разные яйца, кому золоченые, кому просто красные и в разном количестве, расписными были «осчастливлены» немногие, в Москве за каждое пасхальное яйцо предполагалась определенная плата [5, с. 413]. В белорусской фразеологии эта сема репрезентирована во фраземе *Цацкацца, як з велікодным яйкам*. И сами пасхальные яйца, и скорлупа от них, по мнению русских и белорусов, выполняют различные магические функции, в первую очередь оберега. Множество сохранившихся примет, обрядов указывают на всесильность пасхальных яиц: если яйцо, «коим кто впервые у заутрени похристосовался, перекинуть через пожар, то он погаснет» (и русские, и белорусские этнографические источники говорят о возможности тушения пожара не только пасхальными яйцами, но и обычными, часто вместе с молоком, квасом, пивом); кто умрет на пасху – яичко в руку [6], так как, по представлениям многих народов, умерший в великий праздник Воскресения Христова попадал в рай, в вечную жизнь; белорусы скорлупки от пасхальных яиц заталкивали в щели дома, «каб не заблукаць у лесе», *На Благовешчанне (25 марта) дзеўка касу не пляце, птушка гнязда не ўе, курыца яйкі не нясе* и др.

Велика роль яйца в аграрной магии. Весной в поле катали яйца. Чтобы обеспечить хороший урожай, пахарь при первом севе обязан был съесть в поле яйцо. При посеве льна подбрасывали яйца как можно выше. В день первого выгона скота крестьяне поглаживали животных яйцом по спине [2; 4].

Существуют многочисленные приметы, связанные с обычными яйцами: нельзя свистеть и печь яйца, где сидит наседка (рус.), первое яйцо от черной курицы спасает скот в поле от волка (бел.) и др. Яйца используются в заклинаниях, гаданиях, сакральность их отражена в фольклоре. (Например, *золотое яйцо*, свертывание царства в яйцо, смерть Кощея в яйце в известных сказках (рус. и бел.), загадки *Четыре орла одно яйцо снесли* с разгадкой *Четверо евангелистов*]; *Живое родит мертвое, а мертвое родит живое* с разгадкой *Курица и яйцо* и др.)

Золотое яйцо как большая корысть обыграно в басне Эзопа, а затем Лафонтена, с этим значением сюжет перешел в средневековое присловье *Умерла уже курица, несшая золотые яйца* [3]. Указанную идиому встречаем в русском и белорусском материале: *Умерла та курица, что несла золотые яйца/Здохла тая курачка, што несла залатыя яйкі*.

Интернациональным символом является яйцо – сакральное кушанье. В Библии оно противопоставляется скорпиону: «Какой из вас отец, когда сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? Или, когда попросит рыбы, подаст ему змею, вместо рыбы? Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона?» (Евангелие от Луки 11:11–12). Эта сема представлена в русской фразеологии только одной паремией: *Мужик с одним яйцом каравай хлеба съест*. В белорусской фразеологии по-другому. Яйцо-кушанье здесь широко репрезентировано: *Адно яйцо на два снаданні не раздзеліш; Калі ўжываць, то ўжываць: па цэламу яйцу ўбываць; Ешце, дзеткі, крупеня тлусценькая: два яечкі варыліся; З аднаго яйца яечні не будзе; Скавараду ў печ, а яйца ў клець* (бережливость). Яичница в белорусских селах считалась самым лакомым блюдом, и поэтому о тяжелой ситуации, болезни говорят: *Яечня кісне і ў грудзях цісне*, т.е. не мила даже такая вкусная еда [7, с. 124]. Эталонность ее выражена во фразеологической единице *Сон мілей яечні*. Интересна идиома *Бóсая яечня* (рус. соответствие – *глазунья*).

Особо следует отметить ситуацию *зять – теща – яйца*, связана она, вероятно, как с предыдущей семьей, так и с ритуальным характером яичницы в родильном и свадебном обрядах [8, 9, 10 и др.]: *Зяць на двор – цешча за яйкі* и профанированное *Зяць ўсё пажрэ: яйкі зварыць і юшку пажлукціць*. Фразему *Теща зятю голову маслит* В.И.Даль комментирует так: от свадебного обычая, где молодые едут к теще на яичницу [6, т. 1, с. 325]. На Минщине обязательным элементом свадебного обряда была яичница, которую жених с невестой должны были съесть одни, без гостей. Яйца и яичница считались магическим средством, обеспечивающим детородность. В некоторых районах Беларуси на Радуницу жгли костры на кладбище и жарили на них яичницу. Яичница, обрядовое блюдо, особенно у пастухов, – реликтовое проявление жертвы богу домашней скотины [4, с. 578]. Исключительно яичницей кормили змея, *які носіць грошы* [11, с. 37].

Мир (и его символ мировое яйцо) содержит не только жизненное начало, но и руководство судьбой мирового зла. В сказках славян, в том числе русских и белорусских, про Кощея

Бессмертного перечисляются вложенные друг в друга под дубом ритуальные символы – сундук, заяц, утка, яйцо и в нем смерть Кощея. Яйцо в фольклоре – предмет зловредный: не следует приносить яйца в дом или выносить до захода солнца; после того, как яйцо съедено, нужно тщательным образом собрать скорлупу, чтобы не попала в руки колдуну, и др. В русской фразеологии *кукушкино яйцо* – подкидыш, выродок; *На кукушкиных яйцах не высидишь цыплят; Овсянке на радость кукушка яичко снесла* (т.е. в гнездо овсянке).

Существует много поверий о магичности яйца, снесенного петухом, которому исполнилось семь лет. При особом хранении из него можно вывести огненного змея, который служит хозяину и обогащает его [12 (Смоленская обл.); 11]. Последняя сема, широко репрезентированная в белорусской этнографии и фольклоре, отражения во фразеологии не нашла.

Представления о яйце *амбивалентны*: с одной стороны, это вещь *малой ценности*: *Носится, как курица с яйцом; Носица, як курыца з яйкам* – синоним суеты и шума вокруг нестоящего предмета, дела. Кроме того, у белорусов *Наваліўся – каб за што – за яйцо!* Пейоративность выявляется в определениях *выеденное – Выеденного яйца не стоит/Выедзенага яйка не варта* и в русской фразеологии *тухлое – От одного тухлого яйца семеро мужиков сбежало*. Такая национальная концептуализация репрезентирована в авторской биниминативной конструкции *Политика – тухлое яйцо* (А.В.Суворов).

С другой стороны, яйцо – вещь *ценная*, что отражается во фразеологических единицах: *Прячется, как павы с яйцом* (улика); *Не там курица яйцо снесла, где кудахчет* (обман); *Курица яйцо снесла, да кудах-тах-тах!* (похвальба); *Потерял яичко – играй желвачком* и *Не умел играть яйцом, играй желваком; Невеличка да замешана на яичке; Бачыць вока, дзе пяэцца кока; Курачка сакочыць, яечка хочыць* (взятку); *Толькі ў мільянера дастатак купіць яец дзесятка. Обходиться с кем-нибудь, как с яйцом*, – обходиться предельно осторожно, деликатно. Такое значение создает эталонность: *Радзіла малайца – акурат як яйца*; цену: *В Ельцу девка по яйцу, а позадь Ельца – половина яйца*.

В народном представлении яйцо – синоним *прибыли*. Указанная сема по-разному образно проявилась в русской и белорусской фразеологии: *Кочет яичко снес, а ворона раскудахталась; И то яйцо, что мышь снесла; Щупает петуха, не будет ли яйца; Курица по одному яйцу носит; Будь хоть пес (черт), лишь бы яйца нес/Хоць чорт з куста, абы шапка яец была; Курыца як сваіх не лічыць*.

Русская идиоматика положительно коннотирует положение *сидеть на яйцах*, оно связано с трудолюбием и потому продолжает тему *прибыли, хозяйственности*: *Хоть чернышка курица, да на яйцах сидит; Хорошулька на водульке, дурнышка на яичках*. Однако следует заметить, что такая оценка связана с полюсом *женское* в дихотомии *мужской – женский*. Мужское отражено во фразеологической единице *Сидит, как курица на яйцах* (В.И.Даль рядом приводит *Сидячего татары берут*); *Петька-петух на яйцах протух; Сядзіць, як курыца на яйках с пометой “неодобр”*. Указанные примеры репрезентируют народное представление о распределении социальных обязанностей женщины и мужчины, вписывающихся в параметры *дом – не дом* [13].

В русской и белорусской фразеологии ярко проявлена оппозиция *свой – чужой*, где яйцо связано с ее первым членом: *Журавли-то в небе, а яйца-то в дупле; Чужая яечня не вечна*. Русская идиоматика отмечает особую ценность *краденого* (чужого) яйца: *Краденое яичко школьнику слаще*. Семантику *чужого* несет *свиное* яйцо: *Свиное яйцо, да и то не свое*. Белорусская фразеологическая единица *Не ў яйцы пішчыць* употребляется в значении труднодостижимого объекта, так характеризуется человек хитрый, нахальный. Умелые манипуляции с яйцом в народном сознании ассоциируются с образом человека умного (рус.): *Дай дураку яичко, что покатыл, то разбил*, но чаще ушлого, пройдохи (рус. и бел.): *Он по яйцам пройдет, ни одного не раздавит; Из печеного яйца цыпленка высидит/З печанага яйка жывое куранё выседзеў; З-пад сучкі яйцо ўкрадзе; Ад яйка адалье*. Невозможность воспроизведения действий, описанных в приведенных выше фразеологических единицах, связана с *качествами денотата*, которым мы сейчас и уделим внимание, так как на их основе построены и другие устойчивые выражения, в том числе сравнения.

Как видно из предыдущих примеров, во фразеологических единицах с компонентом *яйцо* часто обыгрывается такая его особенность, как *хрупкость*, добавим еще: *Едет как по яйца* и *Едет, будто с яйцами в торг; Будет цело, как битое яйцо* (о верном, надежном деле, хотя обычно образ битого яйца в фольклоре – негативный символ, в гадании по снам разбитое яйцо – сплетня, невезение); *Асцярожна, як з яйкамі*.

Внешнее подобие яиц привело к возникновению образа *два яйца – тождество*: латинское *Похожи друг на друга, как два яйца*. Подобную сему встречаем в русской и белорусской фразеологии, но здесь она представлена в других образах. Кроме указанного, отмечается несоответствие внешнего и внутреннего: *За очи только яйца торгуют; По нахвалу яйца покупают и то не нахвалятся; С личика яичко, а внутри болтун/З твару яйка, а ўнутры баўтун*. Как видим, в сознании русского и белорусского народа яйцо ассоциируется с *красотой*, на этой ассоциации построены и другие белорусские сравнения: *Як яечка* (лицо); *Зруб, як яйка*. Широко известен в Беларуси обряд умывания водой, в которой лежит пасхальное яйцо, им также гладят по лицу, чтобы быть красивым. В русской же наивной картине мира, по В.И.Далю, умывшийся в четверг до восхода солнца с серебра и с яйца *здоров и чист* будет. Положительная коннотация создается определением *красное*: *Глупому мужу красная жена дороже красного яйца; Он (она) как красное яичко*, что, впрочем, уже не совсем относится к понятию красоты, так как обозначает не “красивый”, а “веселый”. Кроме того, сопоставление человека (и не только) с яйцом имеет и негативную окрашенность – “худой”: *Как яичко сквозит*.

Обыгрывается в русской и белорусской фразеологии и *особая круглая форма* яйца. Эта сема ярче представлена в белорусском материале: *Яичка не повесишь на спичку; Круглы, як яйка; Яечка з галавы не скоціцца* (о том, кто ходит ровно, держит спину прямо – одобр. и неодобр.); *Каціся яечкам* (ср. рус.: *Катись колбасой*); *Гладкая дарога, хоць яйцо каці*.

Русские фразеологические единицы с компонентом *яйцо* отражают прототипические ситуации несения яйца и появление из него цыпленка с семантикой *готовности, неожиданности*: *Яйцо налицо; Налицо, как яйцо; Как из яичка вылутился*.

Выше мы уже отмечали значительную роль атрибутов при анализируемом концепте: *золотое/залатое, печеное/печаное, одно/одно, выеденное/выедзенае, красное, краденое, засиженное, худое, тухлое, кукушкино, свиное, великодное, сырое, круглае*. Особенно ярко это проявляется в русском материале, где, кроме указанных определений, встречаем *насиженные яйца* как эталон известного всем, устаревшего и надоевшего: *Это насиженные яйца, про это уж и собаки лают*.

Особо следует отметить атрибутивную конструкцию *облупленное яйцо/облупленое яйка*. В обоих языках она употребляется со значением *результата, готовности* чего-либо: *Как облупленное яичко, наше дело в рукавичках; Гатовае, як яечка аблупленае*. Сема эта получает развитие – готовым пользоваться нетрудно. Русская фразема *Солгать, что облупленное яичко съест* указывает на облупленное яйцо как на эталон *легкости совершения* чего-либо. Такое качество реалии, безусловно, привлекает многих. У обоих народов облупленное яйцо ассоциируется с *ленью*: *Ему дай яичко, да еще и облупленное; Дай яечка, да й аблупленае*. Особенно разнообразен и выразителен белорусский материал. Кроме уже приведенной фразеологической единицы, существуют и другие с дальнейшим развитием темы: *Дай яечка аблупленае і яйцэ каб было пракушанае; Даць аблупленае яечка, да і ў рот улажыць; Лянько, лянько, на яйк! – А ці аблуплена? – Не. – Ну, то бяры сабе; – Янка, на яйка. – А аблупленае? – Аблупленае. – А пракушанае? – Не. – Ну, то еж сабе!*

Хочется отметить специфику русского фразеологического материала, заключающуюся в наличии фразеологических единиц, содержащих парадоксальную, нереальную прототипическую ситуацию и несущих ту же семантику невозможности, неразберихи, обмана и под. Пример со *свиньим* яйцом уже приводился, кроме этого, наличие яиц приписывается *щуке*: *Ладожане щуку с яиц сознали; Не сгоняй щуку с яиц!; Беды натворил, щуку с яиц сознал* (В.И.Даль относит эти фразеологические единицы к семантической группе “толк – бестолочь”); *поросенку*: *Поросенок яичко снес, курочка объегнилась; Курочка бычка родила, поросенок яичко снес; овце*: *На дубу свинья гнездо свила, а овца пришла, яйцо снесла* (молва, сплетни), *петуху*: *Кочет яичко снес, а ворона раскудахталась* (похвальба).

В результате проведенного исследования можем отметить несомненную символичность яйца в русской и белорусской наивной картине мира, что представлено часто в разных образах и акцентах. Концептуальное значение этой реалии, безусловно, шире денотативного. Однако следует отметить, что отсутствие эсхатологической семы указывает на частичную десакрализацию яйца в русском и белорусском мировидении.

1. Свято-Русские Веды. Книга Коляды. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995.

3. *Копалинский В.* Словарь символов. – Калининград: Янтарный сказ, 2002.
4. *Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік.* – Мн.: Беларусь, 2004.
5. *Крылатые слова и выражения русского народа / По толкованию С.Максимова.* – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. *Даль В.И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: В 2 т. – СПб.: ЛИТЕРА, 1997. – Т. 1–2.
7. *Аксамітаў А.* Прыказкі і прымаўкі. – Мн.: Беларуская навука, 2000.
8. *Федароўскі М.* Люд беларускі. Вяселле. – Мн.: Польша, 1991.
9. *Сям'я і сямейны быт беларусаў.* – Мн.: Навука і тэхніка, 1990.
10. *Сысоў У.М.* – Мн.: Вышэйш. шк., 1997.
11. *Богданович А.Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк. – Гродно: Губернская типография, 1895.
12. *Словарь русских народных говоров.* – Л.: Наука, 1976. – Вып. 11.
13. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). – М.: Наука, 1965.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ